

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы
Российской академии наук
(ИРЛИ РАН)**

Научный доклад об основных результатах подготовленной
научно-квалификационной работы (диссертации)

**ЭПИСТОЛЯРИЙ И. А. ГОНЧАРОВА И
ЕГО РОЛЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ**

Аспирантки
IV курса заочной формы обучения
Е. М. Филипповой

2018

Возрастающий в конце XX — начале XXI веков интерес к аналитическому изучению творчества писателей-классиков predetermined обращение исследователей к их эпистолярному наследию. Традиционно писательский эпистолярный может рассматриваться узко и широко. В узком смысле он понимается как переписка «изначально задуманная или позднее осмысленная» в качестве художественной или публицистической прозы¹. В широком понимании рассматриваются все типы посланий, включая частные и бытовые. Таким образом, в широком смысле писательский эпистолярный может быть интерпретирован и как *факт частной жизни* художника, и как *литературное явление* на границе жизни и творчества. Следовательно, возможно два основных подхода к пониманию этого феномена.

1) Значительное количество работ посвящено изучению писем как биографических источников, раскрывающих творческую личность писателя во взаимоотношениях с современниками и эпохой. В исследованиях подобного рода актуализируется фактическое содержание писем, а эпистолярный играет роль исторического документа, своеобразной «летописи» жизни. М. П. Алексеев на материале писем И. С. Тургенева прослеживает интеллектуальный рост и развитие Ивана Сергеевича как писателя²; в статье С. В. Белова и В. А. Туниманова «Переписка Достоевского с женой»³ рассматривается зависимость формы и содержания писем Ф. М. Достоевского от их адресата.

2) Существуют отдельные исследования, отмечающие связь писем с текстом художественных произведений. В таком понимании эпистолярный является одним из важнейших *творческих* документов,

¹ Муравьев В. С. Эпистолярная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2003. — Стлб. 1233.

² см. Алексеев М. П. Письма И. С. Тургенева // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 1: 1831—1849. — М., 1982. — С. 14—61.

³ см. Белов С. В., Туниманов В. А. Переписка Достоевского с женой // Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. — М., 1979. — С. 353—388.

творческой «лабораторией» писателя, в которой зарождаются будущие произведения или их элементы. Повторения найденного образа, выражения, стилистического рисунка типичны для эпистолярия и творчества А. С. Пушкина. Случаи практически полных текстовых совпадений отдельных мест писем и фрагментов художественных произведений (пейзажных отрывков, метафор, сравнений) встречаются в творчестве И. С. Тургенева. В художественных текстах автора «Отцов и детей» письмо часто играет решающую роль: оно либо становится двигателем повествования («Бретер», «Дворянское гнездо»), либо является ключом к развязке («Ася», «Яков Пасынков», «Затишье»), т.е. «именно письма фиксируют катастрофические события или перемены»⁴ в судьбе тургеневских героев.

Таким образом, взаимосвязь эпистолярия и биографии, а также эпистолярия и творчества легко прослеживается. Именно представление о жанровой природе письма и его аксиологический статус является основой для выбора соответствующей методологии. На наш взгляд, изучение эпистолярия И. А. Гончарова наиболее интересно в рамках именно второго подхода. Неугасающий на протяжении долгих лет интерес к эпистолярному наследию писателя свидетельствует о художественном значении его писем, о важности подхода к ним не просто как к факту биографии или определенному жанровому феномену, но и как к потенциальному творческому «черновику», где оттачивались писательские навыки романиста.

Объектом настоящего **исследования** является эпистолярное наследие И. А. Гончарова (1842—1891): его поэтика, интертекстуальность и взаимосвязь с литературной деятельностью писателя.

⁴ Алексеев М. П. Письма И. С.Тургенева // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 1: 1831—1849. — М., 1982. — С. 33.

В качестве *предмета исследования* выступают основные художественные принципы И. А. Гончарова, закономерности их реализации в эпистолярном наследии и творчестве писателя.

Первостепенными *задачами исследования* является анализ случаев и способов перехода эпистолярных образов, стилей, приемов в творческое наследие писателя, а также обзор оригинальных эстетических концепций И. А. Гончарова, впервые высказанных в письмах (как, например, теория типа и типизации, изложенные в письмах Ф. М. Достоевскому).

Актуальность и новизна исследования обусловлена отсутствием системного представления об эпистолярном наследии писателя на сегодняшний момент. Как известно, письма в корпусе собраний сочинений Гончарова начали печатать с 1952 года. Именно в 1952 году вышло в свет два известных нам собрания сочинений⁵. В VIII том первого из них «вошли 196 писем к 65 адресатам, по большей части ранее не публиковавшихся»⁶, однако напечатанных в отрывках и с большими погрешностями. Собрание сочинений Гослитиздата носит вторичный характер. Эпистолярный, вошедший в том VIII этого издания был представлен в меньшем объеме. Он содержал только 6 новых писем, хотя и напечатанных полностью. Последнее собрание сочинений И. А. Гончарова вышло в 1977—1980 годах. Раздел «Письма» в последнем томе этого издания дан на основе эпистолярного тома VIII издания 1952—1955 годов, лишь с «небольшими дополнениями (письмо к П. А. Валугину от 6 июня 1877 г. и 6 писем к П. Г. Ганзену, впервые опубликованных в т. 6 «Литературного архива»)» (I, 15). Таким образом, имеющиеся данные об эпистолярном наследии писателя требуют пересмотра. В настоящий момент

⁵Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. — М.: Правда, 1952. (Библиотека журнала «Огонек»); Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955.

⁶Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. — СПб., 1997—... — Т. 1: 1832—1848. — С. 14; далее ссылки на это издание даются в скобках, с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

на базе бумажной картотеки Группы по изданию сочинений И. А. Гончарова, перечня писем, составленного А. В. Романовой, а также печатных и рукописных копий, хранящихся в Группе, в том числе электронных копий писем, сверенных сотрудниками группы Гончарова, удалось создать хронологический перечень писем И. А. Гончарова с 1842 по 1891 год включительно. С 1842 по 1855 год перечень включает *полный список публикаций писем* Гончарова и *указания на источники даты*. С 1856 года приводится только порядковый номер, адресат, дата, место хранения письма или публикация, по которой сверяется текст в случае отсутствия автографа, также не систематически приводятся цитаты начала и конца писем, нет полного списка публикаций и необходимых примечаний. Лакуны таблицы планируется заполнять по мере обновления и проверки имеющихся данных.

Общее количество писем, включенное в перечень, насчитывает 1351 единицу. Однако это число не может быть названо точным или окончательным результатом подсчета, так как не учитывается весь объем писем без датировок. Письма с сомнительными датировками заносились в перечень либо на основании имеющихся картотек (физической и электронной картотек А. В. Романовой), либо на основании собственных предположений с соответствующими примечаниями об уточнении даты.

Итак, до последнего времени целостный взгляд на эпистолярный И. А. Гончарова как на один из основных источников творчества писателя был ограничен кругом существующих публикаций его писем. Тем не менее многими исследователями на материале отдельных групп писем, адресованных определенному лицу или кругу лиц, постоянно подчеркивается творческий потенциал эпистолярного наследия Гончарова, его «поэтическая» составляющая.

Б. Л. Модзалевский, цитируя речь А. Ф. Кони, произнесенную на столетие со дня рождения И. А. Гончарова, соглашается с тем, что невозможно не заметить «духовную» природу гончаровских писем, их силу и глубину⁷.

Важным фактом творческого процесса, происходившего в сознании самого писателя, называет письма И. А. Гончарова В. К. Лебедев: «...если в портретных зарисовках, сделанных здесь как бы мимоходом, мы видим руку мастера, создателя знаменитых романов, то размышления Гончарова о жизни, об искусстве, о себе и о судьбе близкого ему человека — не только возможный материал для его художественных произведений, но и наоборот — воплощение писательского опыта в жизненной практике...»⁸.

Наиболее подробный анализ гончаровского эпистолярия дает В. А. Недзвецкий в статье «Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова»⁹. Разделяя творческий труд Гончарова на два основных периода (этап беглых зарисовок, очерков, эскизов и непосредственно самозидательный период создания художественного произведения), исследователь замечает, что первый из них явно выражен в письмах писателя: «В ряде случаев письма Гончарова можно рассматривать как первоначальные наброски будущих очерков или литературно-критических статей»¹⁰.

Стоит заметить, что гончаровский эпистолярный жанр может рассматриваться не только как источник тем и сюжетов будущих произведений. Близость писем и художественного творчества может быть прослежена на уровне жанра.

⁷ Модзалевский Б. Л. Из переписки Гончарова (Письма к М. А. и Е. А. Языковым. И. Ф. Горбунову. Ю. Д. Ефремовой. А. В. Дружинину и А. В. Плетневой) — Петроград, 1915. — С. 4—5.

⁸ Лебедев В. К., Морозенко Л. Н. [Вступительная статья к публикации писем И. А. Гончарова Ек. П. Майковой, 1858—1869] // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. — М., 2000. — С. 379. (Литературное наследство. Т. 102).

⁹ Недзвецкий В. А. [Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова] // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.... — С. 337.

¹⁰ Там же.

Представляется очень важной типологическая связь гончаровского эпистолярного письма с традицией дружеского литературного письма. Данное типологическое сходство подтверждает особый статус большинства писем И. А. Гончарова. Это не литература в полном смысле этого слова, но они неизменно близки творческому процессу, в какой-то мере являются «творческой лабораторией» романиста и выражают некоторые частные тенденции художественных произведений. Так, например, В. А. Недзвецкий, отмечая политематичность и ассоциативность гончаровской корреспонденции, считал ее «частным проявлением <...> общей для творца “Обрыва” установки на *эпичность* изображения»¹¹.

Методологическая база исследования в первую очередь ориентирована на отмеченные нами ранее особенности писательского эпистолярного письма. Как уже подчеркивалось выше, существует зыбкая грань между письмом как фактом литературы и бытовым документом. Н. Л. Степанов отмечает: «Благодаря “перетасовке” домашнего материала с литературным <...> весь характер письма олитературируется, <...> мелочи быта создают впечатление “писательской личности”»¹².

Следовательно, с одной стороны, можно говорить о «литературности» писем, с другой стороны — об их практическом назначении. План формы и план содержания письма требуют специфического инструментария для анализа, так как существует жесткая корреляция между формой, содержанием эпистолярного текста и адресатом. Автор, передавая реальную информацию частного порядка, не может быть равен самому себе, так как ориентирован на адресата¹³.

¹¹ Недзвецкий В. А. [Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова] // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования... — С. 37

¹² Степанов Н. Л. Дружеская переписка 20-х годов // Русская проза: сборник. — Л., 1926. — С. 85.

¹³ см. об этом Нижникова Л. В. Письмо как тип текста: дис. ... канд. фил. наук / Нижникова Лариса Викторовна — Одесса, 1991. — С. 5.

Значим тот факт, что письмо редко является обособленным документом, чаще оно — часть переписки. Один из участников литературной жизни конца XVIII столетия говорил, что «переписка друзей — это роман, в котором мы сами были действующими лицами»¹⁴. Важно, что непринужденное разговорное общение в форме письма часто обусловлено эстетической работой: именно в письме разрабатываются особенности стиля, художественной манеры. Тематическое единство обсуждаемых в письмах событий, проблем, повторяющихся сквозных мотивов, имен обнаруживает свойства структурного целого, позволяет рассматривать переписку как единое событие, как текст.

Проблема же изучения письма как целостного текста требует использования самых известных литературоведческих методик, широко применяемых в анализе художественных произведений — например, анализа мотивного содержания, сюжетной организации, образной сферы.

Проблемой отдельных исследований является именно возможность или невозможность работать с письмом как с документом или художественным текстом. Согласно Ю. М. Лотману «факты подвижности границы, отделяющей художественный текст от нехудожественного, многочисленны»¹⁵. Разграничение такого рода произведений может осуществляться функционально и с точки зрения внутренней организации текста. Однако из-за постоянного перекодировки эстетических норм в историко-литературном процессе, сложно определить критерии для разграничения художественных и нехудожественных текстов. Соответственно, следует учитывать сферу функционирования текстов (бытовую или эстетическую). Обширный опыт изучения писем поэтов и писателей подсказывает, что именно факт принадлежности письма художнику

¹⁴ Киреев Р. Реквием по жанру // Литературная учеба. — 1985. — № 6. — С. 156.

¹⁵ Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллин, 1992. — С. 215.

слова актуализирует литературные и эстетические возможности самого жанра: наряду с автобиографическими сведениями проявляется широта наблюдений и размышлений. Будучи бытовым жанром, письмо литератора существует на границе и во взаимодействии с современной литературно-художественной средой.

Структура диссертационного исследования обусловлена хронологией эпистолярного наследия И. А. Гончарова.

Первый блок включает в себя письма 1842—1855 годов и соответствует наиболее «раннему» этапу творческой карьеры И. А. Гончарова. «Раннему» — так как сохранившийся эпистолярный не охватывает полностью начальный этап гончаровского творчества. Вне обзора остаются повести «Лихая болезнь» (1838), «Счастливая ошибка» (1839), очерк «Иван Савич Поджабрин» (1842). Практически никак не отражен в письмах этого периода роман «Обыкновенная история», опубликованный в 1847 году в журнале «Современник». Однако для эпистолярия и творчества Гончарова, так или иначе, характерно постоянно возвращение к когда-то используемым сюжетам и образам, их дальнейшее развитие либо в последующих литературных опытах (как происходит это, например, с образом Тяжеленко¹⁶), либо привнесение этих образов в реальную жизнь и обыгрывание собственных сюжетов с кругом реальных лиц. Это довольно типичная ситуация для ранних, так называемых семейных повестей Гончарова, публикуемых им в рукописном альманахе «Подснежник». Круг близких лиц — готовых прототипов для героев повестей — в творческо-игровой атмосфере литературного салона Майковых «срастался» со своим литературным воплощением, иронически обыгрываемые

¹⁶ Исследователи раннего творчества Гончарова единодушны во мнении, что Тяжеленко — прообраз Обломова. «В нем, — пишет Б. М. Энгельгардт, — в зачаточном виде представлены многие характерные черты излюбленного героя Гончарова. Под его чудовищной апатией и леностью скрываются острый ум и наблюдательность; у него, как и у Обломова, “доброе” и сострадательное сердце <...> его образ показан в тех же сочувственных тонах, как и образ Обломова». (I, 634).

странности и привычки в их гиперболизированном виде становились источником постоянных полушутливых намеков, рассеянных в письмах этого периода — как, например, часто обыгрываемая страсть Зуровых-Майковых к загородным прогулкам. Эти и другие сюжетно-образные взаимосвязи рассматриваются в первой части данной главы — «Творческая ретроспекция в письмах раннего периода».

Вторая часть первой главы («Эпистолярные рецензии и отзывы, написанные до 1856 года») посвящена анализу встречающихся в письмах этого периода отзывов и рецензий, написанных романистом на произведения друзей. Такие небольшие рецензии раскрывают эстетические взгляды писателя на природу творчества, его художественные принципы и отношение к тем или иным направлениям в искусстве. Нельзя назвать Гончарова полноценным теоретиком, часто его суждения несамостоятельны (довольно сильное влияние на становление системы эстетических ценностей автора «Обломова оказали, например, Н. И. Надеждин и С. П. Шевырев), однако невозможно не отдать должное творческой интуиции романиста, его чувству меры и стиля. Предметом рассмотрения в данной части являются: 1) письмо А. Н. Майкову от 2 марта 1843 года, содержащее отзыв на три его стихотворения, а также сравнение оценки, данной Гончаровым, с эпистолярными отзывами Евг. П. Майковой (ИРЛИ № 17374. Л. 22) и В. А. Солоницына (ИРЛИ №17370. Л.18, б. д.); 2) два письма Е. В. Толстой от 19 сентября и 25 октября 1855 года с оценкой тетради Толстой.

В третьей части первой главы («Творческие мистификации в письмах раннего периода и их взаимосвязь с циклом очерков «Фрегат “Паллада”») рассматриваются письма, написанные Гончаровым до и во время путешествия на фрегате «Паллада» как прообразы будущих заметок известного травелога. Особый интерес представляют устойчивые маски-образы, мистификации, зародившиеся в творческом кругу Майковых и сохранившиеся в письмах периода путешествия.

Особое место отведено в третьей части первой главы воссозданию эволюции творческой концепции книги «Фрегат “Паллада”», получившей отражение в письмах И. А. Гончарова.

Вторая глава рассматривает письма 1856—1870 годов, т. е. имеющие отношение к зрелому творчеству И. А. Гончарова. На этом этапе происходит сближение творческого процесса и эпистолярия романиста, особенно интенсивные этапы работы находят свое отражение в письмах к друзьям, с которыми Гончаров щедро делится планами, мыслями и сомнениями. Воссозданию творческой истории «Обломова» и «Обрыва», отраженной в эпистолярной, посвящена первая часть главы.

Вторая часть (по аналогии со второй части первой главы) рассматривает эпистолярные отзывы и рецензии, написанные в период с 1856 по 1870 год. С 1856 года Гончаров вступает в официальную службу цензором, которую завершает лишь в 1867 году. Многие рассеянные в письмах этого времени аналитические характеристики имеют отношение к материалам цензорской деятельности — подобным образом, например, пересекаются с письмами эпизоды полемики Гончарова с «Русским словом» и многочисленными публицистическими выступлениями, ознаменовавшими вхождение нигилизма в литературу: например, об «усиленной и нетерпеливой порывистости <нигилизма> к водворению и общественных, и нравственных начал, которых не подтвердил опыт»¹⁷ говорит писатель в известном письме к Ек. П. Майковой от 16 мая 1866 года.

Третья часть второй главы, рассматривающая эпистолярный с 1870 по 1891 год включительно, затрагивает, в основном, эстетические проблемы, поднятые Гончаровым в письмах. Данный период можно справедливо назвать временем авторефлексии: И. А. Гончаров не отказывается от творчества в полной мере, но избегает крупных форм, в печати появляются очерки и

¹⁷ Гончаров И. А. Письмо Майковой Ек. П., 16 мая 1866 г. С.-Петербург // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования... — С. 394.

критические статьи, письма насыщены критическими отзывами и эстетическими оценками.

Первая часть третьей главы («Письма 1870—1891 годов») рассматривает проблему понимания термина «тип» в XIX веке и связанную с ним эпистолярную полемику И. А. Гончарова и Ф. М. Достоевского (в двух письмах 1873 года — от 11 и 14 февраля). В результате сопоставления критических отзывов В. Г. Белинского и писем Гончарова, удастся установить, что полемики как таковой здесь быть не могло. Размышляя о типическом, Гончаров и Достоевский приходят к двум пониманиям этого явления — широкому (у Гончарова: тип как предельно закрепленный во времени, обобщенный, родовой образ) и более частному (у Достоевского: тип — находящийся в становлении образ, несущий в себе как устоявшиеся, так и оригинальные, индивидуальные черты, еще не ставшие знаком сословия и эпохи).

Во второй части третьей главы рассмотрены подробные эпистолярные рецензии Гончарова, представленные им в письмах: 1) письмо П. А. Валугеву от 30 апреля 1881 года с подробным анализом образов романа «Лорин» и рассуждениями Гончарова о чувствительной и обдуманной критике (подобную классификацию проводит писатель, говоря о двух типах художников — для сознательного и бессознательного творчества); 2) серия писем великому князю Константину Константиновичу, представляющих собой подробнейшее пособие для начинающего художника слова и вместе с тем воплощающих представление Гончарова об истинном художнике.

Практическая значимость исследования определяется культурно-исторической ценностью эпистолярия И. А. Гончарова, а также возможностью использования результатов диссертации в литературоведении, преподавательской деятельности и подготовке Полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова.